

**НАУЧНАЯ ШКОЛА УГОЛОВНОГО
ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Уголовная юстиция XXI века
(к 15-летию практики применения УПК РФ)**

*Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции
(Санкт-Петербургский государственный университет,
23-24 июня 2017 года)*

Санкт-Петербург

2018

УДК 343
ББК 67.411+67.52
Н-345

- Н345 Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: Уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ): Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербургский государственный университет, 23-24 июня 2017 года) / Под ред. Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. – СПб.: ООО «ЦСПТ», 2018. – 359 с.

В настоящем сборнике представлены доклады участников Международной научно-практической конференции «Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: Уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ)», состоявшейся 23-24 июня 2018 года в Санкт-Петербургском государственном университете.

Все опубликованные доклады посвящены актуальным вопросам уголовного судопроизводства, прокурорского надзора и криминалистики.

Настоящий сборник представит интерес для студентов, магистрантов и аспирантов, изучающих уголовно-процессуальное право России и криминалистику, практических работников (следователей, прокуроров, адвокатов, судей и др.), а также ученых – правоведов, и всех лиц, интересующихся вопросами уголовно-процессуальной и криминалистической наук.

Статьи рецензировались на кафедре уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета.

Статьи приводятся в авторской редакции, резюме – в авторском переводе.

Настоящий сборник представляет собой электронный документ, распространяемый исключительно с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

ISBN 978-5-906000-08-8
(электронная версия)

© 2017, коллектив авторов.
© 2018, оформление, оригинал-макет
ООО «Центр социальных и правовых технологий»

С.Б. Россинский,
доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕФОРМЕ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

В настоящей статье поднимаются вопросы о возможности преобразования системы предварительного следствия.

Автор считает подобные преобразования длительным и сложным процессом, который следует начинать не организационных или законодательных изменения, а с воспитания юристов-государственников нового поколения, обладающих наряду с глубокими знаниями, умениями и навыками высоким уровнем нравственности, правосознания, правопонимания и ответственности.

Ключевые слова: Предварительное следствие, Реформа предварительного следствия, Руководитель следственного органа, Следователь.

Sergey B. Rossinskiy

Dr.Sci. (Law), Professor of the Criminal Procedure Dept., at Moscow State Kutafin Law University (MSLA)

REFLECTIONS ON THE REFORM OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

In this article raises questions about the possibility for transformation of the system of preliminary investigation.

The author considers such a transformation about a long and complex process, which should start no organizational or legislative changes. This process should start by education of lawyers-statesmen of a new generation, who have in-depth knowledge, abilities and skills, a high level of morality, of justice, of law and responsibility.

Keywords: The preliminary investigation, The reform of the preliminary investigation, The head of the investigative department, The investigator.

В последние годы на фоне постоянных, нередко достаточно хаотичных, преобразований системы уголовной юстиции РФ и изменений уголовно-процессуального законодательства вновь и вновь обсуждается вопрос об очередной кардинальной реформе органов предварительного следствия. Последний пик обсуждения данной проблемы имел место в конце 2014 года – начале 2015 года, когда Президент РФ предложил Верховному Суду РФ изучить и проработать вопрос о возможности введения в систему уголовной

юстиции так называемых следственных судей по некоторому образу и подобию Российской Империи и ряда западных государств, в частности Франции (le juge d'instruction).

В связи с указанной президентской инициативой на страницах юридической печати разгорелись жаркие дискуссии о целесообразности подобных нововведений. Мнения по данному поводу разделились на диаметрально противоположные. Западно-

ориентированные юристы (А.В. Смирнов, Т.Г. Морщакова, Н.Н. Ковтун и др.) высказывают идеи о безусловной необходимости введения института следственных судей по европейскому образцу для организации досудебного депонирования доказательств или судебного контроля за деятельностью органов, осуществляющих уголовное преследование. Наиболее радикально настроенные ученые – представители так называемой «Нижегородской школы» высказывают суждения о перестроении национальной системы досудебного производства фактически по американскому образцу, предполагающему превращение следователя в полицейского детектива (the investigator), лишённого каких-либо юрисдикционных полномочий.

Другие специалисты (Л.В. Головкин, В.М. Быков, Н.С. Манова, Ю.П. Боруленков) занимают противоположную, и, кстати, гораздо более справедливую позицию, предполагающую разумный консерватизм и делающую упор на свой собственный, сугубо национальный путь развития досудебного производства РФ, который (если конечно смотреть на него объективно, а не через призму преклонения перед Западом) не так уж и плох.

На сегодняшний день обсуждение указанных проблем постепенно сошло на нет; в научных публикациях стали активно муссироваться более «модные» темы, в частности о расширении компетенции суда присяжных, о предоставлении защитнику (адвокату) дополнительных процессуальных гарантий и т.д.

Однако вопрос о том, что же все-таки делать с национальной системой предварительного следствия, по-прежнему открыт. Более того, анализ законодательных и иных изменений, связанных с организацией следственной власти РФ, с процессуальным статусом следователя в уголовном судопроизводстве, с надзорными и контрольными механизмами за его деятельностью, неизбежно наталкивает на мысль, что проводимые в последнее время преобразования, в конечном счете, окончательно ослабили систему предварительного следствия и привели ее к весьма плачевному состоянию. И в этом нет, ничего удивительного. Ведь каждый новый шаг, сделанный в данном направлении, не носит системного, долгосрочного характера, а скорее направлен на сиюминутное решение очередной проблемы, то есть на экстренное «затыкание дыр». Видимо, подобный

импульсивный подход весьма удобен, поскольку позволяет «малой кровью» (последом внесения законодательных или организационно-штатных изменений) быстро добиться определённого результата. В этой связи невольно возникает аллегорическое сравнение с кефирной или гречневой диетой, позволяющей за пару недель сбросить несколько лишних килограммов. Однако впоследствии, после завершения режима диетического питания, человек моментально набирает свой прежний вес, и даже больше. Думается, что нечто подобное происходит и в реформе системы предварительного следствия, поскольку любые экстренные шаги, любые революционные меры не носят долгосрочного характера и всегда опасны скорым наступлением своеобразной реакции.

Организационно-штатные изменения и, тем более, новые шаги законодателя по внесению очередной порции поправок в Уголовно-процессуальный кодекс явно преждевременны и не станут панацеей от тех болезней, которыми в настоящее время страдает система национального предварительного следствия. Развить бурную деятельность, бездумно перераспределить процессуальные полномочия, еще более усложнить и без того порой слишком заформализованные механизмы досудебного производства – это, конечно, самый легкий и быстрый способ «решения» зреющих годами проблем. Но к сожалению, ни к чему принципиально новому это не приводит. Достаточно вспомнить реформу следственных аппаратов системы МВД России 1998 года, когда они были несколько обособлены от структуры органов внутренних дел и стали называться «при ОВД». А настоящей проверкой на прочность явились проведенная в 2007 г. реформа прокурорского следствия и кардинальное перераспределение следственно-прокурорских полномочий в досудебном производстве, которые, тем не менее, не позволили достичь ожидаемых результатов. В противном случае не было бы оснований для разговоров о дальнейшей модификации предварительного следствия.

Очевидно, что такую реформу надо начинать не с создания новых органов, не с изменений процессуального законодательства, а с пересмотра государственной идеологии в отношении профессии следователя, с повышения уровня его профессионализма, правосознания и ответственности перед государством, обществом и отдельно взятой личностью за исполнение своих обязанностей. Кстати, именно по этой причине качество работы органов предварительного следствия в советский период было куда более высоким, чем в настоящее время, несмотря на то что прежнее уголовно-процессуальное законодательство являлось гораздо менее демократичным и западно-ориентированным.

Необходимо отдавать себе отчет в том, что если нынешних следователей назвать судебными следователями, следственными судьями или как-то еще и переназначить на

новые должности (других-то пока взять неоткуда), то по своей сути они останутся теми же следователями; поменяется только надпись в служебном удостоверении. В этой связи невольно вспоминается кинокомедия «Светлая личность», снятая в 1989 году по мотивам произведений И. Ильфа и Е. Петрова. Один из главных героев, являясь директором бюрократа, выбирает «оптимальный» способ появления человека-невидимки – предлагает его назначить и дает отделу кадров соответствующее распоряжение.

Поэтому первый этап реформирования органов предварительного следствия должен носить не организационный и не законодательный, а именно образовательный характер и заключаться в подготовке и воспитании специалистов, обладающих принципиально иными профессиональными качествами и принципиально иным уровнем правосознания. Решение этой задачи не может быть быстрым, она должна реализовываться постепенно. Самое важное – это уже сейчас заложить концептуально новые подходы к подготовке будущих следственных работников, пересмотреть программы их обучения в вузах. Тогда возможно со временем сегодняшние студенты, курсанты, слушатели и смогут хотя бы частично побороть те недуги, которыми сегодня страдает национальная система предварительного следствия РФ.

Но для этого необходимо на политическом уровне решить, по крайней мере, два стратегических вопроса.

Первый из них заключается в том, каким наше общество и государство хочет видеть нового российского следователя: «сильным»¹ и самостоятельным или «слабым» и зависимым?

Концепция «сильного» следователя предполагает его профессионализм, компетентность, высокий уровень правовой культуры, правосознания, ответственности и богатый жизненный опыт. Однако концепцию «сильного» следователя не нужно смешивать с идеей сильного следствия, которая активно пропагандируется учеными, работающими в системе Следственного комитета РФ [1, с. 69]. В данном случае авторы ратуют не за самостоятельность конкретного следователя, а за как можно большую независимость следственных органов (фактически их руководителей) от влияния прокуратуры. Тогда как

---

¹ Заранее предполагая возможную критику настоящей статьи со стороны отдельных псевдолиберально настроенных представителей юридического сообщества, хотим обратить особое внимание, что под «сильным» следователем мы понимаем не физически сильного субъекта, наделенного неограниченным кругом государственно-властных полномочий, склонного к произволу и беззаконию. Подобный следователь как раз является «слабым». Тогда как «сильный» следователь – это высокообразованный и опытный профессионал, осознающий всю тяжесть возложенной на него ответственности. Именно в указанных качествах и заключается его правовая сила. Поэтому слово «сильный» имеет несколько условный смысл и преднамеренно берется в кавычки.

«сильный» следователь, являясь истинным профессионалом своего дела, обладая высоким уровнем правовой культуры, правосознания и ответственности, сам (как индивидуум) должен быть наделен достаточной степенью независимости и широкими процессуальными полномочиями. Риски его некомпетентности и возможных злоупотреблений будут сведены до минимума. Поэтому участие в уголовном деле «сильного» следователя не потребует процессуального руководства и ведомственного контроля за его деятельностью со стороны руководителя следственного органа, как это происходит в настоящее время.

Если же, наоборот, государственная политика будет сориентирована на «слабого» следователя, то есть на непрофессионального, несознательного, безответственного, склонного к злоупотреблениям и коррупции субъекта, то реформа, очевидно, должна идти по совершенно иному пути – постановке под жесткий контроль и надзор буквально каждого его шага. «Слабый» следователь – это фактически обычный рядовой исполнитель, технический помощник руководителя следственного органа, прокурора или кого-либо еще, не способный принимать самостоятельных решений и нести за них ответственность. Поэтому при формировании статуса подобного субъекта уголовного судопроизводства, закономерно будет возникать целый ряд вопросов. Можно ли вообще называть его следователем? Нужно ли ему высшее юридическое образование? Достоин ли он офицерского звания в действующей «Табели о рангах» органов предварительного следствия? И т.д.

Анализ проводимых на протяжении последних лет реформ следственного аппарата и уголовно-процессуального статуса следователя неизбежно приводит к убеждению, что концептуального решения по этому вопросу в государстве пока нет. Вместо этого фактически существуют две прямо противоположные тенденции, а законодатель качается между ними подобно маятнику. С одной стороны, органы предварительного следствия были выделены из системы прокуратуры РФ, резко снизилась степень влияния прокурора на предварительное следствие и т.д. Однако с другой стороны, следователь попал в еще большую зависимость от своих непосредственных начальников – руководителей следственных органов различного уровня.

На наш взгляд, в этом вопросе необходимо сделать ставку именно на «сильного» следователя, стремление к появлению которого, несомненно, поспособствует постепенному выходу национальной системы уголовной юстиции из глубокого и затянувшегося кризиса. Концепция «сильного» следователя содержит большой потенциал для улучшения качества работы следственного аппарата. Тогда как концепция «слабого» следователя, построенная на принудительном улучшении качества работы следственных

органов как бы «из-под палки», неизбежно потянет их назад в кризис и, в конечном счете, приведет к необходимости полного упразднения данного процессуального участника в его современном понимании. «Сильный» следователь – национальная традиция отечественного уголовного процесса, заложенная еще во времена Российской Империи, полностью доказавшая свою состоятельность и жизнеспособность. А, как известно, сломать устоявшиеся традиции крайне сложно или вообще невозможно.

Однако в настоящее время государство проводит совершенно иную, на наш взгляд, неконструктивную политику, направленную на ослабление следственных кадров посредством процессуального руководства их деятельностью и ведомственного контроля за ними со стороны руководителей следственных органов. Процессуальная самостоятельность современного следователя является сугубо номинальной, не более чем красивой декларацией. В реальности следователь как формально, так и фактически лишен возможности автономно принимать какие-либо значимые процессуальные решения, направлять ход предварительного расследования.

Некоторые ученые активно отстаивают позицию о существенном процессуальном ограничении самостоятельности следователя, считая этот механизм важнейшей гарантией обеспечения законности в досудебном производстве [2, с. 123-124; 3, с. 9-10]. Б.Я. Гаврилов в своих работах приводит различные статистические данные, свидетельствующие, по его мнению, о высокой результативности введения института руководителя следственного органа [4, с. 35-44]. Вместе с тем, подобные механизмы явно не рассчитаны на долгосрочный эффект. Они направлены лишь на решение сиюминутной задачи – на быстрое повышение качества предварительного расследования. В настоящее время в органах предварительного следствия действительно наблюдается определённый кадровый голод. Поэтому процессуальное руководство и ведомственный контроль, безусловно, дает некоторые положительные результаты. Но при этом возникает вопрос: а что дальше? Если следователь постоянно будет находиться в условиях подобной процессуальной опеки, не принимать самостоятельных решений и не нести за них ответственности, то он никогда так и не вырастет до уровня подлинного профессионала. Здесь весьма уместным являются сравнение с ребенком, воспитывавшимся в условиях чересчур сильной родительской заботы и в результате оказавшимся неготовым ко взрослой жизни. Кстати, именно поэтому, несмотря на все усилия государства, уровень квалификации следователей остается крайне низким, а их средний возраст едва достигает 30 лет. Профессионально созревшие специалисты либо переходят на руководящие должности, либо меняют работу.

Самостоятельные и независимые «сильные» следователи действующей системе предварительного расследования просто не нужны.

Второй стратегический вопрос, который подлежит разрешению для определения судьбы российского следствия, – это вопрос, о том, кем мы хотим видеть будущих следователей: юристами или правоохранителями? Представляется, что следователь все-таки должен оставаться юристом. Его удел – не раскрытие преступлений, не постоянные выезды на места происшествий, не ночные дежурства, не получение объяснений, и, тем более, не составление бесконечных планов, отчетов, справок и иных служебных документов. Его удел – это всесторонне, полное и объективное познание обстоятельств уголовного дела, исследование и оценка доказательств, формирование на этой основе правоприменительных решений, с учетом высокого уровня правосознания, правопонимания и профессиональной ответственности. С.А. Шейфер отмечает, что власть современного следователя остается властью следственной (судебно-следственной), какой она была в прошлом, не совпадающей с властью обвинительной [5, с. 131].

Но пока, к великому сожалению, современный следователь остается правоохранителем. Причем именно действующий, казалось бы, столь демократичный, УПК РФ отбросил отечественный уголовный процесс в этой части к еще более примитивным механизмам по сравнению с теми, которые были присущи советскому уголовно-процессуальному закону, так сильно критикуемому представителями псевдолиберальной общественности. Благодаря принципу состязательности в его англо-саксонском варианте, предполагающему жесткое, гетерогенное, разделение процессуальных функций на обвинение, защиту и разрешение уголовного дела (ст. 15 УПК РФ), следователь из субъекта – «познавателя», «расследователя» (каким он был ранее) превратился в классического обвинителя–инквизитора, стремящегося по своему функциональному назначению изобличить лицо в совершении преступления. Очевидно, что именно этим во многом и объясняется пресловутый обвинительный уклон, который продолжает существовать несмотря на то, что Конституционный Суд в свое время попытался несколько сгладить отмеченный законодательный перегиб¹.

Более того, тенденция, превращающая следователя из юриста в классического правоохранителя, усиливается и на образовательном уровне. Если раньше профессиональная подготовка следователей осуществлялась в рамках общего юридического образования, то в настоящее время существует отдельная специальность: «Правовое обеспечение национальной безопасности». В частности, по этой специальности

---

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П.

проводится обучение будущих следователей в Академии Следственного комитета РФ, в Волгоградской академии МВД России (бывшей Высшей следственной школе МВД СССР – флагмане подготовки следователей), в Московском, Санкт-Петербургском, Краснодарском университетах и других высших учебных заведениях МВД России и т.д. С прошлого года по данной специальности начата подготовка следователей и в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА). В образовательном стандарте по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» особое внимание уделяется физкультуре, огневой подготовке и тому подобным дисциплинам.

Должен ли следователь уметь хорошо стрелять? Почему бы и нет? Но данные навыки должны приобретаться исключительно факультативно, а не в ущерб профессиональным компетенциям в области права, которых так не хватает современным следователям. Сокращение учебных дисциплин, традиционно изучаемых в юридических вузах, за счет физической, специальной или огневой подготовки будущих следователей просто не выдерживает никакой критики.

Подводя итогу всему вышесказанному, необходимо отметить, что истинная реформа органов предварительного следствия – это длительный и очень сложный процесс, который следует начинать не организационных или законодательных изменений, а с воспитания юристов-государственников нового поколения, обладающих наряду с глубокими знаниями, умениями и навыками высоким уровнем нравственности, правосознания, правопонимания и ответственности, так необходимых для решения непростых задач уголовного судопроизводства.

Список использованных источников:

1. Багмет А.М., Цветков Ю.А. Сильное следствие и его противники // *Lex Russica*. – 2015. – № 4.
2. Гаврилов Б.Я. Каким быть аппарату власти следственной? // В кн. *Аппарат власти следственной / под ред. Н.А. Колоколова*. – М.: Юрлитинформ, 2016.
3. Чечулин И.В. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа и их реализация в досудебном производстве: автореферат дис. ... к.ю.н. – М.: Академия МВД России, 2013.
4. Гаврилов Б.Я. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа: объективная необходимость или волюнтаризм в праве? // *Уголовное судопроизводство*. – 2009. – № 4.
5. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. – М.: Инфра-М, 2013.